

обратную ситуацию, когда правовая природа исполняемых предписаний в полной мере совпадает с правовой природой средств принуждения: неимущественные требования реализуются за счет воздействия косвенного, а не прямого (имущественного) характера, что означает закономерность, логичность и оправданность использования института личных ограничений в таком порядке.

В-третьих, в качестве дополнительного подтверждения необходимости использования ограничений личного характера при исполнении неимущественных требований можно привести зарубежный опыт, который был детально рассмотрен в предыдущей главе. Так, в США должник, который отказывается предоставить сведения о месте нахождения своего имущества, т.е. фактически отказывается совершить требуемое действие, подлежит заключению под стражу на неопределенный срок до момента раскрытия информации¹. В ФРГ если поручение совершения предписанного действия другому лицу невозможно либо результат вследствие такого поручения будет представлять для взыскателя неравнозначный результат, то должник может быть подвергнут наложению штрафа или гражданскому аресту на срок, не превышающий шести месяцев².

Таким образом, при исполнении неимущественных требований косвенное принуждение является необходимым и порой единственным средством, которым, бесспорно, должен располагать судебный пристав-исполнитель в целях восстановления нарушенных прав взыскателя. При исполнении требований неимущественного характера мотивация должника и создание соответствующего стимула к исполнению предписаний получают принципиальное значение. Например, установление в отношении уклоняющегося должника штрафа зачастую оказывается недостаточной мотивацией ввиду того, что штраф составляет незначительную сумму. Более того, сама по себе его уплата не означает исполнения требований взыскателя. В такой ситуации косвенное принуждение должника остается единственным механизмом влияния на его поведение. Как справедливо отмечает В.П. Кудрявцева, при исполнении требований неимущественного характера «могут (и должны) иметь место действия пристава, направленные на стимулирование должника исполнить притязания, содержащиеся в исполнительном документе»³. Рассуждая о создании мотивации к ис-

¹ Решетникова И.В. Исполнительное производство за рубежом. С. 38—43.

² Jauernig O., Berger C. Op. cit. S. 58.

³ Кудрявцева В.П. Исполнение требований неимущественного характера. М.: Статут, 2015. С. 140.

полнению, указанный автор имеет в виду в том числе необходимость широкого применения мер косвенного принуждения в отношении данной категории требований¹. Поэтому когда речь идет об исполнении неимущественных требований, ограничение личных прав оказывается наиболее эффективным и нередко единственным способом принуждения, поскольку исполнение не может быть достигнуто непосредственно за счет имущества должника или действиями третьих лиц.

1.4. Исполнение требований имущественного характера

Применение мер косвенного принуждения при исполнении требований имущественного характера нуждается в особом анализе. В данном случае наряду с установлением в отношении должника ограничений его личных прав требования исполнительного документа могут также быть исполнены за счет воздействия на имущество должника, поэтому неизбежно возникают вопросы о соотношении данных механизмов друг с другом, о последовательности применения этих различных по своей правовой природе мер принуждения, о нахождении наиболее оптимального сочетания способов воздействия на должника с учетом интересов обеих сторон исполнительного производства. Дискуссия относительно допустимости широкого использования мер косвенного принуждения сложилась именно вокруг исполнения требований имущественного характера ввиду того, что в данном случае проблемы поиска баланса интересов взыскателя и должника и соразмерности личных ограничений раскрываются в полном объеме. Для выработки единой концепции применения мер косвенного принуждения представляется необходимым описать подход, сложившийся на практике, его преимущества и недостатки, а также порожденные им трудности при использовании рассматриваемых мер и на основе их анализа предложить возможные концепции и определить, какая из них является наиболее убедительной, охватывает максимально широкий круг вопросов и решает существующие на сегодняшний день проблемы.

Все меры косвенного принуждения должника к исполнению судебных решений и актов иных юрисдикционных органов используются в процессе принудительного исполнения в комплексе с иными мерами, что само по себе является правильным и эффективным, однако граница между различными по своей правовой природе способами воздействия на должника размыта при их применении, а специфические черты

¹ Там же. С. 140–143.

и направленность данных мер не учитываются судебными приставами-исполнителями. Представляется неоправданным обходить вниманием существующую конкуренцию между ограничениями личного и имущественного характера, которая требует соответствующего анализа и неизбежно ставит вопрос о том, в какой момент относительно мер принудительного исполнения применять то или иное личное ограничение: до применения мер принудительного исполнения, параллельно с ними, вместо них или же после них.

Отождествление прямого и косвенного принуждения на практике привело к тому, что меры принудительного исполнения и ограничение личных прав должника применяются одновременно. Судебные приставы-исполнители используют все средства воздействия на должника параллельно, вероятно, руководствуясь соображением о том, что совокупность различных мер принуждения приведет к достижению желаемого результата быстрее и эффективнее. Такой подход, безусловно, не лишен логики: если установить в отношении уклоняющегося от исполнения предписанных требований должника единовременно комплекс мер принуждения, оказывающих воздействие как на его имущество, так и на его личные права, то в таком случае вероятность исполнения требований исполнительного документа значительно повысится.

Суды также не проводят различий между существующими способами принуждения должника к исполнению содержащихся в исполнительном документе требований, причисляя меры косвенного принуждения, в частности временное ограничение права на выезд за рубеж, к мерам принудительного исполнения и не устанавливая очередности в применении мер личного и имущественного характера. Так, Свердловский областной суд отказал в удовлетворении требования об отмене постановления о временном ограничении права на выезд из России, несмотря на частичное исполнение должником исполнительного документа. Суд указал, что судебный пристав-исполнитель при реализации своих функций не только имеет право, но и обязан применять все предусмотренные в законе меры принудительного исполнения. Приступив к процедуре принудительного исполнения судебного решения, судебный пристав-исполнитель в пределах своей компетенции был вправе избрать любую меру принудительного исполнения, в том числе временное ограничение права на выезд за рубеж, которое отвечает целям и задачам исполнительного производства¹.

¹ Определение Свердловского областного суда от 19 марта 2013 г. по делу № 33-3043/2013 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.10.2015).

С одной стороны, такую позицию нельзя считать оправданной. Во-первых, в результате проведенного в гл. 1 настоящей монографии анализа правовой природы мер косвенного принуждения было определено, что они выступают в качестве особого вида принудительного воздействия и не могут быть детерминированы как меры принудительного исполнения. Данное утверждение имеет и практическое значение, которое выражается в необходимости разграничения отличающихся по своей правовой сущности мер в ходе их применения.

Во-вторых, при существующем подходе в некотором роде обезличиваются цели, преследуемые институтом косвенного принуждения. В то время как судебный пристав-исполнитель должен принимать во внимание прежде всего побуждающий характер личных ограничений, а значит, в той или иной степени оценивать, есть ли предпосылки для мотивации конкретного должника в каждом исполнительном производстве, вместо этого ограничение личных прав должника применяется, как правило, без учета указанного фактора по принципу «чем больше, тем лучше». Однако подобное суждение является ошибочным. Совокупность различных мер, принятых одновременно, не всегда означает эффективность. Более того, ограничение личных прав должника действительно именно благодаря своей стимулирующей направленности, а мотивация имеет место только тогда, когда есть необходимые для этого предпосылки, иными словами, в тех случаях, когда ограничиваемое право представляет для должника безусловную ценность, и этот показатель необходимо учитывать в первую очередь при решении вопроса о выборе того или иного механизма принуждения.

В-третьих, как было неоднократно указано, есть тонкая грань между реализацией судебным приставом-исполнителем своих полномочий и злоупотреблением данными полномочиями, преступать которую недопустимо. Однако существующий подход применения личных ограничений, отождествляющий их с мерами принудительного исполнения, создает условия для потенциальных злоупотреблений со стороны судебного пристава-исполнителя. Игнорируя цели, особенности, правовую природу института косвенного принуждения, судебный пристав-исполнитель активно пользуется предоставленной ему законодателем свободой в ограничении личных прав должника и зачастую в неподходящих ситуациях, руководствуясь отнюдь не соображениями эффективности тех или иных мер воздействия на должника. Однако его сложно в этом упрекнуть, объем работы судебного пристава-исполнителя очень велик, разбираться в каждой ситуации не хватает времени, поэтому одним из способов облегчить выполнение его функций и од-

новременно свести к нулю нарушения прав сторон исполнительного производства является предложение на законодательном уровне схемы применения мер косвенного принуждения, учитывающей всю специфику данного института.

С другой стороны, практика показала, что ограничение права на выезд за рубеж (представляется, что аналогичное действие возымеет и ограничение права на управление транспортным средством) является действительно эффективным инструментом борьбы с недобросовестными должниками как само по себе, так и в сравнении с другими существующими мерами принуждения должника к исполнению требований исполнительного документа. С этой точки зрения существующий порядок применения личных ограничений не вызывает нареканий и из года в год приносит успешные результаты. Нередко исполнения судебного или иного юрисдикционного акта легче добиться, установив в отношении уклоняющегося должника временное ограничение права на выезд из России, нежели применив меры принудительного исполнения, однако в данном случае возникает уже другой вопрос: призваны ли ограничения личного характера заменить имущественные и насколько это допустимо? Очень логичным представляется обеспечить должника возможностью исполнить судебный или иной подлежащий исполнению акт сначала самостоятельно, что может быть достигнуто за счет воздействия на сферу его личных прав и свобод, и только затем запускать сложный и дорогостоящий механизм взыскания имущества. Иными словами, после истечения срока для добровольного исполнения в отношении должника применяются меры косвенного принуждения, а если он не исполняет предписанные требования самостоятельно, то тогда судебный пристав-исполнитель приступает к процедуре принудительного исполнения.

Однако поскольку косвенные меры принуждения имеют своей целью мотивацию должника, всегда существует вероятность, что эта цель не будет достигнута. Причем в этом случае можно бесконечно ожидать от должника самостоятельного исполнения, поэтому решением этой проблемы является одновременное применение всех способов принуждения. При этом их отождествление не несет в себе принципиальных недостатков.

Тем не менее можно привести множество аргументов, которые будут изложены далее, в пользу недопустимости вторжения в сферу личных прав должника до исчерпания всех средств имущественного воздействия, что обусловлено множеством факторов, среди которых: характер правоотношений, складывающихся между должником

и взыскателем, правовая природа предписанных требований и мер принуждения, вопросы соразмерности и баланса интересов сторон исполнительного производства.

Приведенные рассуждения иллюстрируют, что нет универсального способа воздействия на должника, а также ставят под вопрос необходимость применения всех возможных мер одновременно. Каким бы эффективным ни был способ воздействия на должника в одной ситуации, при иных обстоятельствах он может оказаться совершенно бездейственным, поэтому, безусловно, единственно эффективной меры принуждения должника к исполнению своих обязательств нет и быть не может, при этом таких мер должно быть достаточно, чтобы судебный пристав-исполнитель имел возможность выбирать наиболее результативную из всех для каждого конкретного должника. Задачей судебного пристава-исполнителя является индивидуальный подход к каждой ситуации; грамотное и добросовестное осуществление судебным приставом-исполнителем своих полномочий способно решить многие существующие на сегодняшний день проблемы, однако, объективно оценивая ситуацию, сложившуюся в сфере принудительного исполнения судебных и иных юрисдикционных актов, следует признать, что тщательная оценка обстоятельств каждого исполнительного производства судебным приставом-исполнителем практически недостижима, а значит, границы применения мер косвенного воздействия на должника должны быть установлены на законодательном уровне, так же как и соотношение указанных мер с механизмами имущественного характера.

Прежде чем предложить возможные концепции применения мер косвенного принуждения в исполнительном производстве, представляется необходимым рассмотреть самые острые проблемы, связанные с данным институтом и вызывающие многочисленные споры на страницах юридической литературы, — это вопросы поиска баланса интересов сторон исполнительного производства и соразмерности ограничений личных прав должника требованиям, содержащимся в исполнительном документе.

1. Баланс интересов сторон исполнительного производства

Критика института мер косвенного принуждения в исполнительном производстве во многом основывается на утверждении, что вторжение в сферу личных прав должника обусловливается эффективностью подобного рода воздействия, в то время как первостепенной задачей должен являться поиск баланса интересов должника и взыскателя. Так,